

Нина Мамыкина
(Вирэнт)

Однажды
в Риме

Нина Мамыкина (Вирэт) Однажды в Риме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69505021

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодая римская аристократка безумно и безответно влюбляется в христианина-иудея. И эта страстная и горькая любовь переворачивает, ломает по корню и меняет всю ее жизнь...

Содержание

Нина Мамыкина (Вирэт)

Однажды в Риме

– Юния!..

Она тут же поднялась и быстро прошла в соседнюю комнату, где всегда принимал посетителей отец Дементий. В этот раз у старца тоже был гость, поэтому девушка заранее приготовила им еду и напитки.

Старый священник сидел на своем стуле, укутанный в теплый плащ – простудился накануне, посещая умирающего в соседнем селении. Напротив него сидел гость, по одежде и внешнему виду – римский легионер.

– Юния, прошу тебя приготовить для гостя комнату и всё необходимое для ночлега. Центурион Гай Луций изъявил желание во славу Божию помочь общине в постройке здания церкви.

Девушка перевела глаза на гостя и с уважением поклонилась ему. Потом обратилась к старцу:

– Принести вам ужин, отче?

– Да, принеси, пожалуйста.

Она быстро и умело накрыла мужчинам стол и удалилась готовить комнату.

– Красивая девушка, – сказал Гай Луций. – Ваша родственница?

– Нет. Она ухаживает за моей немощью и дорога мне,

как дочь. Но отцом её был консул Юний Пелевий, советник Цезаря и второй после него в Риме. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, Пелевий выдал её замуж за патриция Публия, своего друга, покровителя искусств, человека ученого, но развратного и невоздержанного до крайности. Через год Публий умер от удара во время пира, который давал гостям. А его юная и красивая вдова получила в наследство приличное состояние и осталась одна перед лицом бездны столичных соблазнов... Но Господь уберег своё дитя от падения в эту адскую пропасть и привел на спасительный путь служения Ему. Это светлый, всеми любимый ангел нашей общины!

Когда Гай Луций вошел в свою комнату, девушка уже постелила гостю постель. Он спросил, где можно помыться с дороги, и она провела его в термы. Когда он вернулся, то увидел на столе кувшин с питьевой водой и горящий светильник, теплый свет которого был, как пожелание ему доброй ночи.

– ...Мне писал о нем брат Алипий из александрийской общины. Гай Луций принял крещение от пресвитера Игнатия в Египте, где центурион командовал когортой. Позапрошлый год был для него трагическим: сам он получил тяжелое ранение, а его жена и двое маленьких сыновей были убиты во время смуты в Александрии. Гай Луций держался... а потом что-то надломилось в этом сильном человеке. Гово-

рит, что потерял цель и смысл в жизни, хочет оставить военную службу, а куда дальше деться – не знает. К монашеству призвания не чувствует. Но душа его тоскует и ищет покоя... Бог весть, что случилось с этой человеческой душой, но думаю – всё промыслительно. Алипий послал его к нам в Рим за советом и помощью – недалекий человек: разве Господь в Риме сильнее, чем в Александрии?! Я сказал центуриону: помолимся Господу, но, если ты хочешь, чтобы Господь сделал что-то для тебя, разумно и тебе сделать что-либо для Господа. Он попросил совета: что именно сделать? Я и предложил ему построить обетную церковь для небогатой торирской общины, – первое, что пришло в голову. Он согласился, и теперь он наш гость. Прошу тебя, доченька, позаботься о нем и постарайся помочь выговориться: он скуп на слова, но вижу, что эта душа ищет облегчающих горе слов и доброго слушателя.

Ранним утром, когда Юния принесла центуриону завтрак, то увидела, что он уже на ногах – заканчивал во внутреннем дворике физические упражнения. Пока она накрывала стол, он облился холодной водой из бассейна и вошел в комнаты. Девушка заметила, что выглядит гость бодрее, чем вечером, и порадовалась этому хорошему знаку.

– Побудь немного со мною, – попросил Гай Луций, усаживаясь за еду. – Последнее время я редко делил с кем-либо трапезу.

Девушка присела за стол напротив него.

Он благословил и разломил хлеб. Она смотрела на его руки – крепкие, загорелые, бугрящиеся мышцами, и удивлялась, насколько руки воина отличаются от белых изнеженных рук римских аристократов.

Он ел молча и посматривал на нее яркими серыми глазами, живыми и наблюдательными. Юния удивилась, что ей легко с ним молчать. Привыкшая развлекать гостей вежливой беседой, она сейчас не чувствовала никакого смущения от того, что оба молчат. Слышалось лишь пение птиц за окном и шелест листьев акации.

– Если попрошу тебя рассказать о себе – захочешь? – произнес Гай Луций.

Она опустила глаза и молчала еще некоторое время. Потом тихо сказала:

– Почему – нет? Это назидательно... Моя жизнь – история падения и восстания по Божьей милости. Моя мать умерла, когда я родилась, и её я не знала, но отец любил меня и баловал бесконечно. Я росла в роскоши и неге и к пятнадцати годам была пресыщена всем, чем только можно пресытиться в таком городе, как Рим. Замуж меня выдали за патриция, который по возрасту годился мне в отцы, – видимо, из соображений, что муж будет заботиться обо мне так же, как и отец, который к тому времени заболел неизлечимой желудочной болезнью, не редко встречающейся у тех, кто за обедом воздаёт хвалу Лукуллу и Дионисию. В связи с этим заму-

жеством, помимо роскоши и неги, появился в моей жизни и изощренный чувственный разврат – позорище римской аристократии. Но тогда подобная жизнь была для меня нормой, потому что о другой я не знала и не догадывалась. Не прошло и года, как во время очередного пира муж подавился рыбьей костью, постарался скорее протолкнуть кусок, плеснув себе в горло вино, и – захлебнулся. Я осталась одна и некоторое время продолжала жить по инерции, но уже тогда завелась во мне тоска, которая не находила объяснения. Я стала думать о том, что в свои семнадцать лет насытилась всем, что мог дать мне этот мир, что впереди у меня лишь потеря женской красоты и здоровья, старение и бессмысленное угасание. Я старалась прогонять эти мысли, жадно искать что-либо еще, что может оживить во мне интерес и удовольствия жизни – рискованные приключения или умные беседы... Помню, даже выписала труды греческих философов, но не смогла принять и малой доли их рассуждений.

Но вот однажды, услышав разговор моего управляющего с приказчиком купца, поставляющего нам специи, я случайно глянула в проем дверей. И увидела там юношу-иудея, который поразил мой взор – не столько своею красотой, сколько какой-то нездешностью. Этот народ, в отличие от римлян, носит длинные хитоны, не оголяет рук и ног, и он тоже был во всем длинном и темном, с повязкой на густых выющихся волосах. Он был очень хорош собой и стоял, как в раме, в световом проеме двери, выходящей в солнечный двор. Ме-

ня он не увидел, поговорив, ушел, а я спросила управляющего: почему иудей вошел в дом, ведь эти люди считают, что оскверняются домами римлян? Кто этот человек?

Так впервые увидела я Гамалиила, помощника отца Дементия. По сути, он и был тем, кто открыл мне первым истину о Господе Иисусе... привел в конце концов в общину... и теперь я – здесь.

Гай Луций внимательно слушал её, сложив на столе перед собою руки.

– Сколько тебе сейчас лет? Двадцать?

– Да. В секстилесе исполнилось двадцать.

– И община не нашла тебе доброго мужа? Или ты сама не хочешь снова замуж?

– Я хочу быть подле отца Дементия, – кротко сказала Юния. – Рядом с ним в моей душе покой и отрада.

– Тебя не обижают здесь?

– От чего такой вопрос? – изумилась Юния.

– Из опыта, – просто и спокойно разъяснил центурион. – Я всю жизнь обучал молодых солдат. Я вижу, кто чем дышит, к кому какой подход. Легион – не частокол из палок. Это живой организм, состоящий из живых людей. Там, где кто-то болен, строй окажется уязвимым... Почему святой и мудрый старец держит тебя – молодую и очень красивую – подле себя? Чего ты боишься? От чего ищешь защиту?

Она порозовела, опустила глаза. Долго молчала.

Потом едва слышно выдохнула:

– От себя...

Весь день Юния была молчаливой и задумчивой; занимаюсь рукоделием, часто поднимала глаза к небу в проеме окна, словно ожидая от него каких-то ответов.

Когда центурион вернулся вечером из Торира, девушка не сразу заметила, что он подошел и, улыбаясь, смотрит на нее. Она вздрогнула, шитье скользнуло из ее рук. Девушка подхватила его и поднялась, немного смутившись.

– Отец Дементий принял лекарство и спит. А я сейчас приготовлю вам ужин.

– Не спеши, – сказал Гай Луций. – Я пока не голоден. В Торире тоже очень гостеприимная община. Я хочу немного побыть с тобой. Оказывается, я успел по тебе соскучиться.

Она прямо посмотрела ему в глаза. Потом ответила с удивлением:

– Не могу понять, почему так легко чувствую себя с вами. Я даже не смущаюсь, когда вы говорите мне слова, от которых постаралась бы оборониться, произнеси их кто-нибудь другой.

Он кивнул.

– Я рад. Был бы больше рад, если бы ты сказала, что тоже по мне скучала.

Девушка рассмеялась:

– А ведь это правда!

– Ты думала обо мне?

– Да. Как прошел у вас день в Торире?

– Похоже, Господу и правда угоден мой обет. Пришли к согласию по всем вопросам и с зодчими, и с каменщиками. Фундамент будет старый, что упрощает задачу. Завтра пошлю за деньгами, чтобы оплатить начало работ.

Юния отложила рукоделие, и они вышли в сад к бассейну. Девушка села на его каменную кладку, зачерпнула ладонью воду, розовую от зарева заката.

– Расскажешь дальше? – спросил Гай Луций.

– О чем? – удивленно обернулась она.

– О Гамалииле.

Девушка вздрогнула, вода пролилась у нее между пальцев. Оба долго молчали. Краски заката угасали.

Потом она бесцветно проговорила:

– Почему бы и нет?.. Это тоже может быть поучительно...

– Нет, – твердо сказал центурион. – Это слово здесь не приемлемо.

Тогда она развернулась, – так, что длинные золотые локоны разлетелись по плечам.

– Да... я знаю! Вы не будете смеяться... Я действительно влюбилась в него! Это было похоже на безумие... Влюбилась впервые в жизни! Какая я была глупая... как умела, старалась понравиться... Приходила к дому этого купца... заводила разговор о заказе товара, о специях, фруктах, тканях... потом о иудейских обычаях... об их религии... пыта-

лась заинтересовать и женской красотой, и торговой выгодой, и умом... Наверное, это и правда было ужасно – как я вела себя... Но штурмовала я совершенно неприступную крепость. Я ничего не могла понять – чем я плоха, чем отталкиваю? Ведь половина элитной римской молодежи сходила по мне с ума. А тут сошла с ума я – по красивому иудейскому мальчику... Закончилось тем, что я оставила в покое торговлю и обычаи и спросила его прямо – почему он не хочет ответить мне взаимностью? Тогда он тоже ответил прямо – что он думает обо мне, какая я тварь и блудница, и насколько ему отвратительна, и что с такими велит делать иудейский закон, и что помочь таким может только Господь Христос, который есть Спаситель грешников! Мы просто стояли и орали друг на друга – зрелище не для нервных... И тогда я уцепилась за это совершенно незнакомое мне Имя, произнесенное им с таким почтением, потому что понимала: если уйду отсюда – то сразу кинусь в Тибр! Я кричала, что пусть его Христос – спасатель, но он – его ученик – готов убивать, закидывать камнями вместо того, чтобы просветить, научить и помочь! И грош цена такому Имени в его устах, потому что произносит его злое сердце!

И вот здесь что-то стронулось... Видимо, я задела единственное чувствительное место, что и дало мне надежду. Он замолчал, отдышался... потом, запинаясь, произнес, что, если я перестану к нему приставать с низкими намерениями и стану слушать, то он расскажет... просветит и научит. Есте-

ственно, я пообещала, и мы разошлись в тот день почти друзьями – настолько устали от споров и противоборства.

Конечно, я пересмотрела свою тактику и превратилась в прилежную ученицу. И вскоре поняла, насколько все это чудовищно! Меня совсем не интересовало то, что бедный мальчик с таким воодушевлением начал втолковывать заблудшей душе. Я только смотрела на его лицо, волосы, руки, мне был важен блеск этих глаз, его запах, дыхание, звук голоса... Мне хотелось закричать: перестань! Лучше убей! Пусть я тварь, но я не могу тебе лгать!

И я помню тот оранжевый вечер, когда ждала его на портике храма Сатурна, куда пригласила, чтобы сказать правду, чтобы проститься. Я бродила и кружилась между колонн по самой кромке, внизу был город, площадь, я смотрела только на золотой вечерний диск солнца, голова моя тоже кружилась, словно в бредовом мареве... И я не заметила, как шагнула в пустоту...

Ты мог слышать об этом процессе – про это говорили во всех римских общинах. Гамалиила, который как раз поднялся на портик, схватили, обвинив в покушении на убийство дочери римского консула. Я лежала дома разбитая, без сознания, а между тем шел судебный процесс, и просто чудо, что я вовремя очнулась и из разговора слуг услышала, что Гамалиила вот-вот осудят! Меня принесли на носилках в помещение суда, и я боялась только одного: что могу вновь потерять сознание, но я успела выкрикнуть эти слова и опере-

дить обвинительный вердикт: «Справедливости! Этот человек невиновен! Я просто оступилась – клянусь Юстицией!»

...Жалела ли я о том, что не разбилась насмерть? Иногда... Но семья Гамалиила навестила меня и потом присылала лекарства и подарки. У меня хватило ума и совести не тревожить больше этих людей, которым принесла я столько несчастья. Я перестала искать встреч с Гамалиилом, но обо всех событиях в его жизни мне тут же сообщали. По сути, я продолжала жить им одним.

Так прошло полгода. И тут на должность префекта Рима заступил некто Тиберий Титус – человек явно с манией величия, но, что еще хуже – яростный ненавистник христиан. Это ты тоже мог слышать, ведь говорят: если в Риме разобьется горшок – стук слышно по всему миру. Первое же происшествие – разбойное нападение на торговый обоз – он связал с общиной римских христиан. Их всех схватили во время богослужения и бросили в тюрьму – ту, что за акведуком, возле городских бань. Гамалиила тоже. Я узнала об этом от своих людей и тут же побежала к тюрьме.

Помню, была ветреная ночь, страшный ливень... Я подкупила охрану, вызвала его... умоляла позволить спасти, просила уйти со мною, обещала переправить на другой конец страны, исчезнуть из его жизни навсегда – утопиться, повеситься... но лишь бы он выжил... лишь бы жил!.. Он отказывался... кажется, готов был ударить меня.

Тогда я отстранила его и – вошла в камеру. Они сидели

на соломе, на каменном полу – человек сорок. Посреди каземата в какой-то плоске горел свечной огарок. Я встала на колени. Рассказала всё, как есть. Что люблю его. Что не могу допустить его гибели. И если он не хочет спастись один – просила разрешения спасти их всех, увести от завтрашней казни. Я ведь могла продать имение, подкупить всю префектуру...

Я была, как в бреду, плакала, сотрясалась от страшной дрожи. Они молча смотрели на меня...

И тут я услышала ласковое: «Иди-ка сюда, дочка! Ты же вся промокла, совсем замерзла...» Это заговорил беловолосый старик в углу. Когда я подошла, он усадил меня рядом, снял с себя покрывало и укутал в него, как ребенка. Он стал спрашивать, как меня зовут, кто я такая, грел мои руки своими – так, словно это было самое главное, совсем не беспокоясь о том, что убегает драгоценное время. Мы стали разговаривать, и именно тогда я услышала слова о Христе, которые легли на самое сердце, потому что были сказаны с любовью ко мне. Помню их, как что-то очень простое и пронзительно ясное: мы спокойны, потому что верим, что Господь наш Иисус Христос силен спасти нас от смерти в любую минуту и при любых обстоятельствах, если Он этого хочет. А если Он хочет уже принять нас к себе, в свое Царство – так к этому мы шли всей своей жизнью, этого и сами желаем. Потому что жизнь вне того, кого любишь, не имеет ни цены, ни смысла...

А потом он говорил о самом Христе, и все мы слушали эту потрясающую проповедь о Боге Любви, заморожено, на одном дыхании, на пороге смерти, и помню, как было радостно и тепло на душе, словно все мы сидели под одним покрывалом, и не было ни страха, ни времени, и я уже понимала, что пойду с этими людьми до конца, что у меня больше нет другого дома и другой семьи...

...А потом за окном рассвело, и я спохватилась, что ни разу за ночь ни один стражник не обеспокоился моим присутствием в камере... Тут загремел запор, дверь открылась, вошел старший тюремщик – очень растерянный, который сказал, что случилось нечто невероятное: ночью скоропостижно скончался Тиберий Титус, а новоназначенный префект на вопрос стражников – что делать с заключенными христианами, ответил: «Гоните их всех в шею, мне срочно нужны свободные камеры для банды настоящих разбойников, которых вечером отловили легионеры на центральном тракте!»

И христиане вышли на свободу, воспевая славу Богу, увидели сияющие лучи восходящего солнца... а вместе с ними пошла и я... по сути, так и ушла за отцом Дементием. Навсегда из старой жизни...

Юния замолчала. Гай Луций смотрел на нее: лицо его было непроницаемо, только поблескивали живые глаза. Потом он решительно поднялся:

– Пойдем-ка в дом, становится прохладно.

Девушка поняла, что он заметил ее нервную дрожь после

горького рассказа, но, как ни странно, дрожь проходила сама, и на душу Юнии мягко опускался покой – впервые за долгое время. Словно птица-боль, которую она решила выпустить из клетки-души, взмахнула крылами и улетела прочь в закатное небо. Этот центурион действительно умел работать с людскими душами!

Гай Луций сам приготовил и подал напитки. Она улыбнулась и позволила ему эту заботу, приятную обоим.

И тут он сказал:

– Сейчас, когда ты стала его сестрою во Христе – он не пошел навстречу?

Юния медленно опустила чашу.

– Мы... общаемся... но... отец Дементий готовит его принять сан священника. Для этой цели в феврале он обручился с Софонией. Но случилось несчастье: девушка сильно простудилась и умерла за неделю до свадьбы...

– А ты? – твердо гнул своё центурион.

Тогда она глянула ему в глаза:

– Я не гожусь, Гай Луций! Даже очень раскаявшаяся блудница не может стать женою священника! Есть Правила, кто может... на ком можно...

– Это он так сказал? – сузив глаза, уточнил легионер.

Юния не ответила.

Тогда центурион жестко произнес:

– А ты знаешь, что такие слова полностью уничтожают, сметают в мусор саму Жертву Христову?! Ту Жертву, кото-

рую Он принес ради раскаявшихся грешников! Он пришел умереть за них, Он умер за них! А теперь я слышу, что «раскаявшаяся грешница недостойна стать женою Его слуги»!

Юния смотрела на него, широко раскрыв глаза.

– Так мог сказать или очень глупый, или ослепленный гордыней, – уже спокойнее произнес центурион. – И если есть законы на эту тему, то они не имеют ничего общего с любовью.

Девушка опустила глаза. Потом тихо ответила:

– Никого нельзя заставить полюбить насильно...

– Вот это верно! – уже мягко ответил центурион. – Где нет любви – там ничто не поможет!..

Девушка вошла в комнату и вздрогнула. А потом рассмеялась:

– Напугал меня! Подумала: что за чужой человек в доме?! Побрился – тебя и не узнать. Без бороды – совсем другое лицо...

Гай Луций молчал и глядел исподлобья, и Юния поспешила сказать:

– Тебе так хорошо. Лицо выглядит моложе!

Он усмехнулся, объяснил:

– Решил пройтись сегодня по городу и встретил своего бывшего подчиненного. Сейчас он сам командует легионом. Очень способный парень, быстро пошел на повышение. Про-

водит аттестацию своим легионерам – показательные состязания на арене Колизея. Заодно и публику потешит, согласовал это с префектурой Рима. Просил меня принять участие в аттестации, посмотреть, кто из его парней во что горазд. Вот и привожу себя в порядок. Рим – это не Александрия...

– И как тебе показался Рим?

– Мне он отвратителен. Вавилонское столпотворение...

– Ах, ты читал про вавилонское столпотворение? – разве-селилась Юния.

– Я много что читал. Александрия – это вам не Рим!..

...Со всех сторон прыгала и кричала пьяная от азарта толпа. Юния цеплялась руками за Димаса и крепкого плечистого Марка, понимая, что оступись она – и толпа Колизея её растопчет! Марку зрелище скорее нравилось, а вот мирный духом Димас ворчал почти непрерывно: когда же все это закончится?! Для чего ты нас сюда притащила?! Всё отцу Дементию скажу!..

Юния видела, что Гай Луций не проиграл ни одного поединка – будь то единоборство или бой на учебном оружии. Под конец состязаний было организовано что-то совсем грандиозное: атака фаланги против одного! Девушка смотрела широко раскрытыми глазами и не верила своим глазам: он поднял на щит одного, отбил мечевую атаку другого, сбил с ног подножкой третьего, оглушил щитом четвер-

того, ударом рукояти меча под колени завалил пятого... шестого... десятого... пятнадцатого... Она ошеломленно смотрела на россыпь поверженных тел вокруг центуриона, когда он, потрясая над головой щитом и гладием, перекрывая рев восторженной толпы, громогласно закричал: «Рим! Рим!! Рим!!!»...

Юния нашла Гая Луция в пристройке возле кузни: он возился с какими-то железными заготовками. Увидев ее в проеме двери, отложил железо и подошел, вытирая руки ветошью.

– Принесла вам с Олимпием обед.

– Хлеб за брюхом ходит? – улыбнулся он. – А я, в отличие от Олимпия, не заработал еще на еду. Дармоед я... Скажи прямо, что соскучилась.

– Соскучилась. Тебя же не найти! Хорошо, что Люция подсказала – в кузне ты сегодня с её мужем. Хочешь в кузнецы переквалифицироваться?

– Всё в жизни может пригодиться. Тебя я тоже второй день не вижу.

– У Люции трое детей болеют, сама болеет – не могу не помочь!

Она поставила корзину на дощатый стол.

– Где же Олимпий?

– Позову, – он заглянул в кузню и окликнул кузнеца. По-

том сказал:

– Докаливает заготовку. Скоро подойдет.

Юния подала ему еду.

– Я видела твоё выступление в Колизее.

Он вскинул от тарелки глаза:

– Видела?..

Она кивнула.

– Я думаю, что тебе нельзя оставлять военную службу. Такое мастерство не должно пропасть.

Он молча ел и смотрел на неё.

А Юния думала о том, что очень правильно она делает, оставаясь ухаживать за больными ребятишками Люции круглосуточно. А завтра уже вернется из Торира отец Дементий...

– Сегодня алтарь освятят в новой церкви, – подумала вслух она. – Через неделю будет богослужение.

– Да. Хочу помолиться и причаститься там на первой службе. Потом нужно возвращаться в Александрию.

Она подняла глаза:

– Тогда, в Колизее, ты кричал: «Рим! Рим!..» Но ведь Рим тебе не нравится...

– Рим – это не город. Рим – это идея, – спокойно ответил Гай Луций, отодвигая тарелку. – Почему римские легионы покорили весь мир? Потому, что хорошо тренированы? Потому, что им пообещали богатую добычу? Нет, их спланивала идея – великое, мощное, организованное, сильное го-

сударство, которое создало армию как орган защиты и поддержки этой власти. Легионы и центурионы – на службе царству земному...

– Я вижу, ты и сам уже решил остаться на военной службе.

– Это ты исцелила меня! А я видел тебя сегодня с этим симпатичным парнем – Димасом, который абсолютно весь тает от одной твоей улыбки! И сама ты не выглядела привычной букой...

Юния рассеянно улыбнулась.

– Да... Димас... Димас – хороший... хотела бы я иметь такого брата...

Гай Луций поднял глаза – на стол легла тень. В дверях стоял Гамалиил.

– Отец Дементий вернулся, брат Гай! И просит тебя придти сейчас к нему.

Центурион кивнул и поднялся. Рядом с Юнией приостановился:

– Благодарю тебя. Мясо с бобами – мое любимое блюдо. Было очень вкусно!

Юния приготовила для старого священника отвары трав для купания. Возвращаясь из терм, остановилась на полпути – увидела, что в проходе внутреннего двора стоит Гамалиил.

– Я думала, вы все у старца...

– Отче захотел сначала поговорить с Гаем Луцием. Види-

мо, личные вопросы центуриона.

Она кивнула и пошла в свою комнату. Села у окна с рукоделием. И с изумлением увидела, что Гамалиил пришел за нею следом.

– В Торире просили отца Дементия о своем священнике...

Юния подняла глаза:

– Если тебя рукоположат¹ – будет хорошо.

Он прошел и сел напротив неё. Долго молчал. Потом сумрачно сказал:

– Я давно просил его об этом. Не мыслю себя без служения перед престолом Божьим.

Девушка молчала и продолжала шить.

– Еще два года назад я умолял поставить меня служить с обетом безбрачия. Но отче отказал категорично. Только женатым. Я смирился... И тут беда с Софонией... Я начинаю думать, что не угоден Богу, как священник. Я не могу понять... всю жизнь на первом месте в моей душе были ревность о Боге и чистота... Я с малых лет горел этим... еще когда мой дядя – фарисей – читал мне Тору. Потом он крестился и повел ко Христу меня... и всю нашу семью... Я знал, что тех, кто чисто и всей душою идет к Богу, сатана будет искушать особо люто, и то, что я встретился с тобою, было как подтверждение тех слов... моей праведности... испыта-

¹ Рукоположение – процедура, посредством которой лицо посвящается в духовный сан, то есть определяется как священнослужитель для выполнения различных религиозных обрядов и церемоний.

ние... искуc... Я дрался не с тобой, а с Сатаной...

– Ты говорил, – кротко ответила Юния. – Мы давно уже обсудили это. Я не держу обиду на тебя, и знаю, что ты меня тоже простил.

Он кивнул, глядя в пол.

– Но ты однажды мне сказала, что у меня жестокое сердце. До последних дней я и не думал, какой я – добрый или злой... Считал, что праведный... и этого достаточно...

– Я говорила это в гневе, – мягко возразила Юния. – Тогда я и сама была злой и эгоистичной.

Он покачал головою.

– Я однажды сказал отцу Дементию: «Я с радостью умру за Бога!» А он ответил: «А знаешь ли ты Бога, за которого хочешь умереть? И за того ли Бога ты умрешь, за которого хочешь?»

Юния подняла на него глаза, забыв про шитье.

Они долго молчали.

Потом он горько произнес:

– После похорон Софонии, когда я вновь просился целибатом² и вновь получил отказ, я разозлился. И собирался оставить общину... Сейчас я снова близок к такому шагу. Если я не гожусь для церкви такой, разумнее мне служить писцом, библиотекарем, канцеляристом... Работа честная, знакомая...

² Целибат – принятый по религиозным соображениям обязательный обет безбрачия.

– Покой в душе можно найти только внутри себя, – кротко сказала Юния. – В тебе нет покоя – это плохо. Я думаю, что ты не прав перед самим собой. Ты в чем-то виноват сам перед собою, и в глубине души ты это понимаешь. Поэтому душа не может успокоиться, периодически всплескивает гневом. Тот, кто имеет покой в душе, стоит твердо перед всеми внешними бурями. Долго терпит и крепко стоит. Не важно, где – в церкви, в библиотеке, в каменоломнях...

Он поднял глаза и долго смотрел на неё. И она смотрела на него, привычно любуясь красотой этих черт и глаз, но с удивлением осозная, что глядит без боли или вожделения, а с нежностью, теплотой и состраданием...

Когда Гамалиил вышел, она закрыла лицо руками, сама не понимая – плачет или смеется.

– Мы завтра все поедem в Торир, – сказал ей отец Дементий. – Первую литургию отслужим уже на Преображение.

– Как скажете, отче. Я думала, что через неделю... Не тяжело ли вам будет?

– Нет. Господь укрепит. Тут кое-что изменилось. Гай Луций расскажет. Я благодарен тебе, доченька, что ты помогла этой душе укрепиться.

– Он и сам исцелил меня, – улыбнулась девушка. – Я представить себе не могла, что смогу кому-то откровенно рассказать о своем прошлом. Такое чувство в душе, словно был

разрезан гнойник, рана очищена и зашита...

– Благословен Бог наш, ныне, присно и во веки веков! – сказал старец.

– Если у тебя есть время, не захочешь ли прогуляться со мною?

Юния тут же встала, отложила работу и вышла с центурионом в сад.

– Отец Дементий сказал, что завтра поедem в Торир.

– Знаю. Виною я.

Он протянул ей бумагу.

– Получил послание от Цезаря. Меня назначают легатом в Мемфис. Дают в подчинение тамошний легион. Поэтому сроки моего пребывания в Риме сокращаются до минимума. А ведь надо еще в Александрию – собраться.

– Я поздравляю тебя, – изумленно сказала Юния. – Понимаю... отче хочет, чтобы ты успел помолиться в отстроенной тобою церкви.

– Теперь я всегда буду с любовью вспоминать Рим, – улыбнулся Гай Луций. – И благодарить отца Алипия, который послал меня к епископу Дементию – святому и дорогому мне человеку Господа нашего Иисуса Христа.

– А меня будешь вспоминать? – тихо спросила Юния. – Или за большим чином станет недосуг?

– Ты всегда будешь в моем сердце – печатью и заветом...

кажется, так было сказано у царя Соломона? Мы ведь вылечили друг друга и теперь сможем жить, благодаря Бога. Почему ты молчишь?..

– Поблагодарить друг друга мы могли бы и завтра, прощаясь.

Гай Луций замолк. Смотрел, как рябь играет на водной глади бассейна.

– Ты права, – сказал он наконец. – Я говорю невесть что. Потому что трушу. Первый раз в жизни я трушу... Когда я пришел в тот вечер к отцу Дементию, открылся ему, выслушал советы и принял предложенный им обет, он кликнул тебя... и ты вошла... и я увидел его – тот новый смысл... ту цель жизни, которую искал... Я не умею красиво говорить. Нас учили говорить лаконично и сразу о сути. А о сути – так. Мне тридцать пять. Я не молод. И не красавец... Но даже если ты не любишь меня так, как я тебя... я думаю, что нужен тебе... нужен, чтобы жить дальше. Я прошу тебя сегодня подумать... и, если согласишься стать моей женой, завтра на службе отец Дементий соединит нас.

Юния низко опустила голову.

Центурион с сильно бьющимся сердцем смотрел на золотые пряди ее волос, скрывающие лицо.

– Я выйду за тебя, Гай Луций, – ответила Юния.

Утром центурион явил себя в белой тоге с пурпурной по-

лосой – одежде аристократов для парадных случаев. После его повседневной коричневой туники, перетянутой портупей с металлическими легионерскими бляхами, это был верх элегантности. Юния не преминула со смехом уверить, что население Торира будет потрясено неотразимостью достойного представителя рода Луциев, только она беспокоится о сохранности складок тоги при передвижении верхом и о том, что носилки могут застрять на узких улочках предместья, если патриций намерен передвигаться в Торир на носилках...

Гай Луций сообщил, что в церковь всегда передвигается своими ногами, и притянул ее к себе за предплечья:

– Который день ты открываешь мне красоту этого мира заново: вчера любовался твоей улыбкой, сегодня обнаружил, что ты умеешь и смеяться... смотрел бы и смотрел, как ты смеешься... всё сделаю, чтобы ты всегда смеялась...

Юния отвела счастливые глаза, тихонько отстранилась. Но центурион притянул её снова, и она больше не стала противиться, уткнулась лицом ему в грудь...

После того, как община помолилась на праздничном богослужении, и все прихожане приняли святое Причастие, старый епископ Дементий вышел к народу и произнес:

– Возлюбленные дети мои! Сегодня у нас происходит еще одно радостное событие. Все вы знаете и любите нашу добрую Юнию, которую Господь вручил мне, недостойному и

немощному, на опеку и окормление – до той поры, пока Он не пошлет более достойного преемника, чтобы передать её в новые руки! И сегодня брат Гай, всадник из рода Луциев, подаривший общине это здание церкви, и сестра наша Юния объявили о желании заключить брак во Христе. Помолимся же все вместе о благословении Божьем для этой христианской семьи и о любви и согласии им на долгие годы...

– Нет!!

Все изумленно зашевелились, оборачиваясь на голос. Раздвигая народ, вперед прошел Гамалиил и остановился напротив Юнии. Лицо его было совершенно смятым, он задышался.

– Подождите!.. Зачем ты делаешь это?! Ведь ты не влюблена в него! Мы сейчас перед Богом стоим! Не солги! Не влюблена?!

Юния подняла глаза:

– Нет.

Гамалиил пристально посмотрел в ее глаза. Потом кивнул. И вскинул голову:

– Братья и сестры! Знайте – перед вами великий грешник! Никогда никому не открывал я это, но Господь, видящий все лукавство моей души, не подпускал меня к служению у своего престола! Ведь я лгал и Ему... лгал и себе... Ты права, Юния! Я изображал из себя великого праведника и – прятал, заминал, зажимал в глубине сердца... то, что все эти годы... все это время... я любил тебя... желал тебя! И ненавидел те-

бя и себя за это! Господь выдернул тебя, как розовый куст, из почвы смрадной помойки, и ты расцвела здесь, потому что всегда была розой! А я – чертополох, колючий и злобный, как фарисей, из тех, кому Господь отвел место для ехидн, в геенне огненной!

– Ты всегда был самый лучший из всех людей, Гамалиил! – прервала его Юния, из сияющих глаз которой текли слезы. – Боец Христов, который бьется до последнего! Который не щадит гордыню и злое самолюбие ради чистоты и правды Господа нашего! У общины Торира будет самый лучший пастырь!

– Я не буду священником, Юния! Что ж теперь... Но я хочу быть собой и не лгать больше ни себе, ни Богу, ни общине! Остайся со мною! Стань моей женою! Я знаю, что ты простила все многочисленные обиды, которые я причинил тебе. Прости ж меня до конца!

Девушка опустила голову. Гамалиил напряжено смотрел на нее, и все вокруг молчали – и старец Дементий, и помрачневший Гай Луций, и Люция с дочкой на руках, всё порывающаяся что-то сказать...

Юния подняла глаза. В них были свет и нежность.

– Ты правильно спросил, Гамалиил – влюблена я или нет в того, с кем обручаюсь. Господь спросил твоими устами. И я ответила, что нет. Это истинная правда! Я не влюблена в Гая... я – люблю его! То, что хотела я от тебя, будучи влюбленной, – это владеть тобою! И как же ты был прав, что от-

вергал меня! Вся чистота твоя противилась такой драконьей страсти! И в чем ты был виноват? В том, что не дал себя сожрать? Это Господь берег тебя, Господь отвел тебя! А от Гая Луция – Бог видит! – мне не нужно ничего, лишь бы он был счастлив и благополучен! И знаю – где бы он ни находился, я буду следовать ему сердцем, мыслью и заботой. Я не помню себя за ним и знаю, что он тоже не помнит себя, желая послужить лишь моему счастью...

Рука центуриона крепко сжала её руку.

– Синоним любви – отдавать, Гамалиил. Отдавать, а не брать! Храни тебя Господь от этой пожирающей влюбленности! Всех вас... – Юния повернулась к общине, обвела с любовью глазами, – ...я благодарю, люблю и буду помнить, как свою душу!

Тут Юния замолчала, потому что маленькая дочка Люции с рук матери потянулась к ней и плюхнулась ей на грудь. Следом обняли девушку заплакавшая Люция и все, кто мог дотянуться: люди гладили ее по плечам, голове, говорили и говорили слова любви и добрые пожелания.

Вернувшись в Рим, старый священник сразу прошел в свою домашнюю церковь, где молился обычно в одиночестве, но в этот раз он позвал с собою Гамалиила. Слушая чтение псалмов, юноша первое время просто стоял – молча и опустив голову. Потом тоже взял псалтирь и опустился на

колени.

Они молились долго, а когда закончили, лицо Гамалиила было грустным, но спокойным. Он подошел под благословение, и старец сказал:

– Теперь я могу рукоположить тебя и celibатом. Но лучше, если сделаю это ровно через год – день в день. Ты должен полностью отпустить прошлое. Как ты сам думаешь?

Юноша удивленно глянул на него: никогда раньше епископ Дементий не спрашивал его мнения. Он вдруг понял, и сердце его радостно дрогнуло.

– Да, отче. Через год – лучше, – твердо сказал он.

Старец кивнул.

– И знаешь что? Возьми тоже какой-нибудь посильный обет ради Господа на этот год, сынок. Молись, чтобы Он помог тебе определиться.

– Посоветуйте, отче – какой?

– Что ж, давай вместе и поразмыслим!